

Д. Е. Сибгатовна

О ТОЧНОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ М. АУЭЗОВА «КОКСЕРЕК» НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Колорит – это та окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности его денотата (обозначаемого им объекта) к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе [1, 21].

Согласно исследованиям Г.Д. Томахина литературоведы и мастера художественного перевода отмечают, что национальная окраска литературного произведения часто выражается через национальные реалии. Чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, а по стилистике – к фольклору, тем ярче проявляется его национальный колорит. [1, 21].

А.В. Федоров считает, что сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов – задача чрезвычайно сложная в плане как практического ее решения, так и теоретического анализа [2, 277].

Г.Д. Томахин предлагает в целях сохранения национального колорита произведения реалии, в том числе и ономастические (топонимы и антропонимы) не переводить, а транслитерировать, ибо они принадлежат к категории «непереводимого в переводе» [1, 22]. А.В. Федоров утверждает, что возможности решения этого вопроса на практике и рассмотрения в теории связаны также со степенью реально имеющихся у переводчика и читателя фоновых знаний о жизни, изображенной в оригинале [2, 277].

Опираясь на специфику перевода - «средство общения в плоскости двух языков» - и логическую последовательность переводческого процесса «воспринять - воспроизвести», - С. Влахов и С. Флорин предположили, что наиболее целесообразной основой для такого деления представляется не строго местный, т. е. экстралингвистический, а скорее языковой принцип, который позволяет в первую очередь рассматривать реалии 1) в плоскости одного языка, т. е. как свои и чужие, и 2) в плоскости пары языков, то есть как внутренние и внешние [3, 57].

Мы считаем, что нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно. Но приемы транскрипции и

транслитерации необходимы именно тогда, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующего его привычности в языке подлинника, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода. Оценивая целесообразность применения транскрипции и транслитерации, мы исходим из необходимости учитывать, насколько важна передача этой специфичности.

Следовательно, мы не можем не обратить внимание на некоторые неточности в передаче реалий на русский и английский языки при переводе повести Мухтара Ауэзова «Коксерек». Следует отметить, что переводчик должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагает носитель исходного языка.

В связи с этим рассмотрим толкование слова «көксерек», которое в тексте является именем главного персонажа, а так же названием повести.

«Көксерек – жас қасқырдың мықты, қайраттысы» [4, 586].

Көк - серый, особый, святой; серек – особенный, необычный, бдительный.

Рассмотрим варианты перевода данной реалии:

Кішкене Құрмаш Көксерек деп ат қойып алды [5, 9].

И назвал Курмаш своего любимца Коксерек, что означает: Серый Лютый [6, 135].

So Kurmash gave his pet the name of Kokserek, which means Fierce-Grey [7, 84].

Переводчик А. Пантиелев перевел ее на русский язык транслитерацией - «Коксерек», используя пояснение «...что означает Серый Лютый», который не соответствует значению слова. Соответственно, так как перевод на английский язык был сделан с русского перевода Пантиелева, то и на английском название звучит так же «Fierce-Grey» (Fierce – лютый, Grey - серый), но «Көксерек» даже в буквальном переводе не означает «серый лютый», скорее всего, здесь сокрыт иной смысл. «Көк» с тюркского — «синий», «голубой»; «святой». Допустим и такой перевод: «божественный волк», и как выше упомянуто «серек» - слово имеет гораздо более глубокое значение, «особенный,

необычный, бдительный». Название оригинала, т.к. это имя собственное, имеет нейтральную окраску, заставляет задуматься читателя о персонаже, о его характере и о том, что он из себя представляет. В переводе же название сразу вызывает более отрицательную характеристику главного персонажа, заставляет читателя невольно думать, что волк это злой и жестокий зверь, а люди всего лишь жертвы. Развитие событий становится как бы предсказуемым. Мы можем наблюдать расхождение в отношении к волку автора оригинала и переводчика не только по названию, но и в самом тексте.

Теперь рассмотрим следующие варианты перевода, которые выполнялись с оригинала, переводчиками обладающими достаточными фоновыми знаниями.

Кішкене Құрмаш **Көксерек** деп ат қойып алды.

Мальчик Курмаш, которому достался волчонок, назвал его **Коксерек** [8, 135].

Little Kurmash gave him the name **Kokserek**. (наш перевод)

В данном случае, реалия так же переведена транслитерацией, и переводчик использует переводческий комментарий «Коксерек – серый, бдительный, особенный», который, как мы видим, соответствует значению слова и контексту. Что же касается названия, то переводчик выбрал «Матерый», что означает – «достигший полной зрелости», «опытный», «огромный», «большой», очевидно, что данный выбор полностью соответствует характеристике волка, то есть главного персонажа и в тоже время имеет более нейтральное значение, и не вызывает негативного отношения к персонажу, получается небольшая интрига, как и в оригинале.

И в переводе на английский язык используется транслитерация и переводческий комментарий «Kokserek – 1. a young wolf, strong and full of energy 2. grey, vigilant and unusual» (1. Молодой волк, полный силы и энергии, 2. Серый, бдительный, особенный), так же соответствующий значению данной реалии и контексту. Так как название передается именем собственным «Kokserek», то соответственно сохраняется нейтральность и интрига непредсказуемости сюжета, для английского читателя.

В повести около 30 реалий (имена собственные, предметы быта, название растений и т.д.). Известно, что реалии могут передаваться транскрипцией, транслитерацией, описательным переводом и калькой.

А.Пантиелев при переводе казахских реалий допускает некоторые неточности, которые

потом появляются и в переводе на английский язык, так как перевод был сделан с русского текста.

Имена персонажей передаются при помощи транслитерации:

Құрмаш – Курмаш - Kurmash

Қасен – Хасен - Khasen

Аққаска – Аккаска – Akkaska

Но при передаче на русский язык имя великого батыра казахских степей Богембая было немного искажено: буква «е», стала буквой «а», по не известным причинам:

Бөгембай - Богамбай – Bogambai.

Теперь обратим внимание на перевод следующей реалии:

Қараадыр - Черный холм – Black hill.

Переводчик в данном случае использует кальку, но «Қараадыр» – не обязательно «Черный холм», слово «қара» в казахском языке может иметь значение «священный», но в данном контексте это слово скорее всего является названием местности, т.е. вполне возможен перевод транслитерацией.

Некоторые реалии отсутствуют в переводе Пантиелева или заменены, так как переводчик допускает множество опущений и не обладает достаточными фоновыми знаниями: Жұмаш, Тастықұдық, Ақсоран, бесін, сасыр, шоқпар, күлдіреуіш, Бейсембай, сойыл, Арыстанбек и т.д.

Например, «күлдіреуіш» отсутствует в переводе Пантиелева вообще, а реалия «төбет» переведено калькой «волкодав». В новом переводе переданы обе реалии транскрипцией с переводческим комментарием «кулдреуш - опорная дуга шанырака юрты» и «тобет - казахский волкодав», что передает национальный колорит. Или:

Қара ала төбеттің иесі **Жұмаш** бала жаз бойы Құрмашқа...[5, 11]

Хозяин черно-пегого пса хвастался...[6, 135]

The **owner** of the black-and-tan dog boasted [7, 85].

Здесь мы видим, что переводчик решил опустить имя мальчика, используя только слово «хозяин», в данном случае это не существенная потеря, в отличие от отсутствия такого персонажа как Бейсембай, который в оригинале наносит смертельный удар волку.

Рассмотрим следующий пример:

Қасқырды қар көтереді. Атты көтере алмайды. Сондықтан талай рет ат жаратып, **шоқпар** қамдап, қуамын деген **жігіттер** болса да, ешнәрсе қыла алмайды [5, 16].

Наст волка держит, а **всадника** нет: проваливается конь, не скачет - вспахивает снег [6, 139].

The thin crust of ice on top of it will hold him, but not a **horseman**: the horse will sink through and plough up the snow, not gallop [7, 92].

Слово-реалия «жігіт» переводчик использует слово «всадник», что вполне допустимо. Но опускается реалия «шокпар», которую можно было бы заменить словом «ружье», что и сделал другой переводчик:

Снежный наст неплохо держал широкие волчьи лапы. Но только не копыта лошадей. Тщетными оказались попытки **джигитов** верхом на конях с **ружьями** преследовать волков [8, 143].

Переводчик мог бы использовать прилагательное «вооруженные». В новом переводе на русский язык слово «жігіт» было передано транскрипцией, без каких-либо комментариев, что допустимо, так как для русскоязычного читателя эта реалия хорошо знакома.

It could resist the weight of wolves but not a horse's. And, though **shokpar**-armed **zhigits** a horse had tried to chase the wolves several times, everything was in vain. (наш перевод)

В новом переводе на английский язык данные реалии переданы при помощи транслитерации, используя переводческий комментарий «shokpar - a club used as weapon» (шокпар – дубинка, используемая как оружие), «zhigit – a young man or an expert horseman» (джигит – молодой человек или искусный наездник).

В этих вариантах переводов переводчики передали реалии с учетом культуры рецепторов ПЯ, сохраняя стиль автора и национальный колорит культуры ИЯ.

Данный анализ демонстрирует важность передачи реалий, для того чтобы:

- рецептор погрузился в культуру языка оригинала и ознакомился с ней;

- не потерять стиль автора в переводе;
- не исказить идею и замысел повести.

Следует также весьма важное заключение о том, что при передаче реалий или добавление комментариев или примечаний к ним, необходимо учитывать и прагматический потенциал текста – его направленность на определенного рецептора, носителя русского или английского языка, принадлежащего к иной культуре.

Мы пришли к выводу, что неточная передача или неадекватная замена слов-реалий приводит к неправильному восприятию реалии и культуры языка оригинала рецепторами русского и английского переводов. Таким образом, перевод слов-реалий – творческая процедура, требующая от переводчика достаточно хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки.

1. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. - М.: Высшая школа, 1988.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.: Высшая школа, 2002.
3. Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980.
4. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. - Алматы: Дайк-Пресс, 2008.
5. Әуезов М.О. Повестер мен әңгімелер. - Алматы: Жазушы, 1979.
6. Аuezov M.O. Избранное. - Алма-Ата: Жазушы, 1967.
7. Auezov M.O. Fierce Grey. - Алматы, 1989
8. Жаксылыков А.Ж. Практикум по художественному переводу. - Алматы: Қазақ университеті, 2011.

* * *

Мақалада Мұхтар Әуезовтің «Көксерек» повесіндегі реалийдердің орыс және ағылшын тілдеріне аударылуы салыстыралы түрде қарастырылады.

* * *

The translation of realias of M. Auezov's short novel "Kokserек" into Russian and English languages are analyzed in the article.

И. Турганбаева

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ

Говоря о переводе как о межкультурном взаимодействии, в качестве примера мы нередко обращаемся к переводу единиц устойчивых, культурно-отмеченных, несущих некую экстралингвистическую реальность. К таким единицам, безусловно, относятся пословицы. С позиции общей теории перевода пословицы относятся к разделу художественного перевода,

а художественный перевод можно представить как событие межкультурной коммуникации. Говоря о переводе в аспекте межкультурной коммуникации, стоит отметить, что это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и «контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со